

УДК 130.3

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

И.К. СВИЩЁВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail:svischeva@bsu.edu.ru*

Статья представляет собой социокультурный анализ генезиса социальной помощи и взаимопомощи в русском сообществе была тесно связана со спецификой культурных традиций и менталитета. Выделены основные формы социальной помощи в Древней Руси: культовые с различными сакральными атрибутами; общинно-родовые в рамках рода, семьи, поселения и хозяйственные, княжеское попечение, а также выявлены и проанализированы социокультурные основания генезиса социальной помощи: родовые отношения как важнейший охраняемый механизм и фактор этнической идентификации и социализации индивида: ритуальный характер форм помощи; гуманистические национальные традиции славян.

Ключевые слова: социальная помощь, отечественная парадигма социальной помощи, модель социальной помощи, благотворительность, призрение, попечение.

Введение

Современный мир характеризуется постепенной утратой многих основополагающих нравственных принципов, которые на протяжении веков являлись фундаментальной основой человеческого сосуществования. В наше время существует неоднозначное представление об исторических формах отечественной практики социальной помощи.

Потребность в социальной помощи и защите проявлялась у всех народов всегда. Она зародилась у истоков первобытной культуры и была присуща всем верованиям и религиям и в той или иной мере удовлетворялась на всех ступенях развития цивилизации.

На протяжении многих веков в социокультурном пространстве Руси-России складывались традиции милосердия и призрения, сформировавшие гуманистические парадигмы помощи особо нуждающимся слоям общества. В основном это было продиктовано мотивом одной из главных черт русского национального самосознания – сострадания и помощи, стремления принять непосредственное участие в оказании помощи ближнему, попавшему в беду.

Древнейший период отечественной истории связан с ранними формами общественной организации славянских племен. Исследование этого исторического периода предъявляет определенные требования к анализу реципрокных связей и отношений. Поэтому в изучении данного этапа зарождения социальной помощи необходимы комплексные подходы, которые включают в себя анализ достаточно большого спектра явлений материальной культуры, народных традиций, верований, устного творчества, элементов архаической хозяйственной деятельности. Эта разнообразная палитра фактов позволяет выделить проблемный контур древнейших форм социальной помощи и взаимопомощи на Руси.

Первые письменные известия о наших предках- славянах относятся к VI веку. Род являлся самой первой формой и общественной организации. Историк Ю. В. Кнышенко отмечает: «Род был спаян взаимной обязанностью сородичей в материальной помощи, защите и отмщении обид. Право членов рода на материальную помощь со стороны сородичей, удивительное гостеприимство не порождало лодырей, все трудились в меру своих сил и способностей»¹.

¹Цит. по: Кубицкий, С.И. Благотворительность: теория, история, современность: монография / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. Челябинск: Фотохудожник, 2005. – С. 49.

Древние славяне жили родовыми общинами, занимались, в основном, земледелием и скотоводством. Поскольку, выполнение трудоемких работ было под силу только большому коллективу, община в жизни славян приобрела большое значение. Она являлась органом местного хозяйственного самоуправления, в компетенцию которого входили земельные переделы, налогово-финансовые вопросы (связанные с обложением податями и их распределением), решение судебных споров, вопросы помощи нуждающимся. На смену родовой общине пришла соседская, объединявшая несколько семей. Каждая такая община владела определенной территорией, общинные владения были общественными и личными. Единство территориальной общины поддерживалось не правовыми, а хозяйственными связями. Родовые отношения были важнейшим охранним механизмом, фактором этнической идентификации и социализации индивида. Род имел верховную собственность на землю, выступал регулятором семейно-брачных отношений в виде обычно сохранявшейся экзогамии (реже эндогамии), выполнял функции взаимопомощи, взаимответственности и защиты своих членов.

Общинные принципы жизнедеятельности восточных славян, практика осуществления защиты человека внутри рода и общины нашли отражение в конкретных формах социальной помощи и взаимопомощи. В ряду основных следует выделить: культовые с различными сакральными атрибутами; общинно-родовые в рамках рода, семьи, поселения, хозяйственные, княжеское попечение.

Следовательно, современные модели социальной помощи имеют давние социокультурные традиции, которые складывались на различных этапах развития истории русского народа. Ввиду того, что эта проблема требует отдельного анализа.

Культовые формы помощи.

Согласно осуществленному анализу, культовые формы помощи и поддержки с разнообразными сакральными атрибутами тесно связаны с мифологическим миром восточных славян, с формами почитания богов. К более поздним их формам относятся – братчины, празднуемые сельскими общинами. Они посвящались святому-патрону, позднее это стал традиционный корпоративный праздник. Он проводился или всем селением, или несколькими селениями вскладчину, где каждый субъект предоставлял какую-либо долю продуктов на общественные нужды. Кроме того, праздники выполняли функцию «мирного перераспределения имущества» и натуральных продуктов, а также выступали механизмом экономического равновесия, совместного потребления в ситуациях социального и экономического неравенства. И вполне понятно, почему столь велико количество праздников в году было у наших предков. Так, исследования А. Ермолова в XIX в. фиксируют, что, помимо 80 официально установленных, в отдельных территориях отмечали свои праздники (общее число превышало 150). Если учесть, что многие праздники могли длиться от трех до восьми дней, то это становилось существенным подспорьем в распределении и перераспределении материальных благ².

Другим важнейшим механизмом, связанным с сакральными установками, являлись родовые обряды почитания предков. Сакрализация данных процессов раскрывалась в системе родового пространства: умершие предки обожествлялись, и к ним обращались через культовые обряды, что в конечном итоге вело к определенному родовому единению. В честь умершего устраивались тризны, погребальные состязания, игрища, трапезы. По свидетельству похороны, поминовение в 40 дней, в год, на Красную горку наблюдалось у многих народов. Считалось, что покойник невидимо присутствует и принимает участие во всеобщем действии. И в день похорон, и в дни поминовений родственники жертвовали какую-либо милостыню, «справу». Это была «милостыня с рук». К общинно-родовым (в рамках рода, семьи, поселения) формам помощи принято относить институт старцев, институт вдов³.

«Институт старцев» появляется не сразу. Община постепенно предопределила отношение к людям, не являющимися активными участниками трудовой и коллективной

² Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI начало XII века: сб. текстов / сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – С.64.

³ Цит. по: Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварогъ – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С. 67.

жизни. Причем по отношению к взрослому миру в одной социовозрастной группе находились старики и дети. Следует отметить, что первоначально половозрастное деление не связывалось с социовозрастным. Отношение к старикам было такое же, как и к детям. Типология «старых» и «малых» как одной социальной группы в некоторых случаях определялась по признаку «сиротства», когда человек остается без попечения близких родственников. Словарь В.Даля трактует «сиротство» в широком значении. Сирота – это беспомощный, одинокий, бедный, бесприютный, а также субъект, не имеющий ни отца, ни матери⁴. Сиротство распространялось и на другие проблемы, такие как хозяйство, деятельность, социальная роль, статус. Архаические народные представления о детях и стариках идентифицировали их как «чистых», не живущих половой жизнью, отсюда – общность в одежде у тех и других, и одинаковое отношение к ним. Так, инфантицид (узаконенное убийство ребенка) – довольно характерное явление на ранних этапах развития общественных отношений (известен, как в западной, так и отечественной истории), существовал не только в отношении детей, но и стариков. Согласно фактам ранних страниц славянской истории, «отправление на тот свет» дряхлых и больных стариков имело различные формы: зимой их вывозили на саях и, привязав к лубку, спускали в глубокий овраг; отвозили в мороз в поле или степь, где и бросали; опускали в пустую яму; сажали на печь в пустой хате; везли куда-нибудь и добивали в огородах; увозили в дремучий лес и там оставляли под деревом; топили⁵.

Однако, когда происходит социовозрастное деление в общинной жизни и к представлению «старый – молодой» добавляется «старший, мудрый, младший», «главный – неглавный», формируются ритуалы поминовения предков. Формы поддержки стариков были различны. Исследование этнологического материала показало, что там, где по какой-либо причине на помощь не приходила семья, заботу о стариках брала на себя община. Одним из вариантов поддержки стариков был специальный отвод им земель по решению общества, «косячка», который давал возможность заготовки сена, например, в том же случае, когда старики окончательно «впадали в дряхлость», они призревались общиной. Старика определяли на постой к кому-нибудь на несколько суток, где тот получал ночлег и пропитание, затем он «менял» своих кормильцев. Такой вид помощи стал своеобразной общественной повинностью и назывался «кормление по домам»⁶.

До принятия христианства на Руси существовали и другие «закрытые» формы помощи, но все они связаны с «институтом старцев». К примеру, вариантом ухода на «тот свет» был добровольный уход из общины. Пожилые люди, которые не могли участвовать в трудовой деятельности, селились недалеко от общины, на погостах, строили себе кельи и жили за счет подаяния. Подобная форма милости существовала, по данным исследователей, вплоть до XVI века. Свидетельство тому – запись в новгородских писцовых книгах, хотя к этому времени «нищепитательство» осуществлялось церковью и приходом.

Можно предположить, что общность постепенно формировала и другие институты поддержки сирот в пределах своего родового, общинного пространства. Вполне вероятно, это были чисто экономические мотивы, возникшие в системных связях реципрокных отношений. Так, еще на стадии первобытной коммуны образовались связи между членами разных общин – дарообмен или потлач. Дар представлял собой переход вещей из собственности одного субъекта в собственность другого и обязательно предполагал отдар. Почти во всех древних обществах существовал социальный институт «potlach». Американский социальный антрополог Франц Боас, исследовавший быт североамериканских индейцев, определил этот термин как «система обмена дарами». Такой же институт существовал и в славянских племенах. Это пример всеобщей системы дарения, в которой объединены честолюбивые стремления дарителя и получателя. Система достаточно проста: каждый дар должен быть возвращен дарителю в каком-либо виде. Это правило лежит в основе всех социальных отношений. Такая форма мирного перераспре-

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 3. М.: 1980. – С. 274.

⁵ Цит. по: Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М.: Сварогъ – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С.73.

⁶ Там же. С.78.

деления имущества и натуральных продуктов, выступала механизмом экономического равновесия в ситуациях социального и экономического неравенства. Институт дарения был связан с появлением излишков продуктов. Поскольку в силу неразвитости хозяйственных отношений и сохранения первобытнообщинных традиций излишки не могли быть обращены в сокровища, то общественное мнение заставляло их собственников раздавать эти излишки соплеменникам.

Поводом для этого могло быть строительство жилища, рождение, смерть, поминки и т. п. Такая экономическая система дара и отдара хорошо просматривается в мотивах усыновления внутри родовой общины и появления института «приймачества» у южных славян; «приймать» в семью сироту, как правило, могли люди пожилые, когда им становилось уже трудно справиться с хозяйством, или когда они не имели наследников. Принятый в семью должен был вести хозяйство, почитать своих новых родителей, а также обязан их похоронить. Здесь налицо принцип – «я – тебе, а ты – мне», или «дар – отдар»⁷. Другая форма поддержки сироты – общинная, мирская помощь. Она по своему характеру совпала с помощью «неможным старикам», когда ребенок переходил из дома в дом на кормление. Сироте могли также назначать «общественных» родителей, которые брали его на свой прокорм. Однако, если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались «выхованцами», «годованцами»⁸. Новые подходы просматривались и в поддержке вдов. Старики и сироты, считались социально уязвимыми субъектами в родовой общине. Есть основания утверждать, что оформление института вдов и его дальнейшая поддержка – явление исторически и культурно обусловленное, этапное в языческом мире. На ранних этапах российской истории института вдов просто не существовало, поскольку в соответствии с языческой идеологией жена была обязана следовать за своим супругом, то есть после смерти ее мужа вместе с культовыми предметами, утварью хоронили или сжигали на костре. Подобные обычаи описаны путешественниками в славянских племенах. Появление института вдов у восточных славян происходит незадолго до принятия христианства. Не случайно, что «вдовицы» как особые субъекты выделяются в первых русских законодательных актах, к ним требуют особого внимания, в духовных наставлениях завещают им помогать и «оберегать» их⁹.

Вполне вероятно, что первая форма помощи институту вдов развивалась во все той же парадигме дара – отдара в системе сакральных отношений. Как «чистые», находясь близко к миру смерти, вдовы обмывали и обряжали умерших. Это – древний вид языческой магии. В качестве отдара они получали вещи покойного. По утверждению Ахмеда Ибн Фадлана, согласно славянским обычаям, при погребениях, которые он сам наблюдал, имущество богатого человека разделялось на три части: «треть дают семье, за треть кроют ему одежду, и за треть покупают горячий напиток...»¹⁰ Учитывая, что соборование покойника было делом вдов, возможно, именно они и получали одну треть. Сельская община предоставляла им землю, на них распространялись такие же «льготы» мирского призрения, как и на стариков. Не менее древний обычай – хождение за «навалным». Он состоял в том, что нуждающейся женщине оказывали помощь продуктами, обычно осенью, после уборки урожая. При этом соблюдался своеобразный ритуал: гостей индифферентно приглашали в ее дом, они приходили и приносили определенное количество продуктов, взамен им предлагали выпить и закусить.

Таким образом, мы видим, что уже на стадии родовой общины зарождаются механизмы поддержки тех субъектов общины, которые в силу разных обстоятельств не могут быть равноправными участниками ее жизнедеятельности.

Хозяйственные формы помощи и взаимопомощи

Параллельно с практикой индивидуальной помощи, возникают коллективные формы взаимоподдержки. В основе хозяйственных форм помощи и взаимопомощи ле-

⁷ Цит. по: Кубицкий, С.И. Благотворительность: теория, история, современность: монография / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. Челябинск: Фотохудожник, 2005. – С. 98.

⁸ Там же. С.107.

⁹ Цит. по: Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: авторефер. дис. . д-ра истор. наук: 07.00.02 / М.В. Фирсов. М., 1997. –С.78.

¹⁰ Цит. по Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварог – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С.89.

жит «всякая взаимовыручка, в более узком, экономическом смысле – форма обмена, зародившаяся в первобытной общине с появлением в ней распределения по труду и личной собственности»¹¹. Ранние формы помощи и взаимопомощи первоначально носили ритуальный характер и до XIX столетия сохранялись в виде народных праздников. Исследователи, анализируя древнейшие земледельческие славянские праздники, связывают их с четырьмя временами года, каждому из которых соответствовали свои «братчины, ссыпчины, холки, посиделки, беседы, Никольщины» (как правило, эти праздники связывали с ритуальным персонажем Ярилой, который олицетворял плодородие, прибыль, урожай)¹².

«Помочь (толока, талака)» – обычай взаимопомощи односельчан-общинников, заключающийся в приглашении соседей на спешную работу, причем работающих обильно угощали по ее окончании. «Помочь» обычно устраивалась в период сельскохозяйственных работ (уборка хлеба, молотба, покос и пр.), а также строительства жилища и т. и. Если проанализировать различные формы крестьянских «помочей», то при всем их многообразии просматривается определенный сценарий, в котором сохранены остатки магических аграрных культов. Он состоит из следующих элементов: ритуальный договор (его обязательным элементом является «хлеб – соль и магарыч»), совместная трудовая деятельность в договоренные сроки и по завершению работ – совместная трапеза, игры, танцы, катания. В народе «помочи» рассматривались как трудовой праздник, в котором принимало участие все сельское население, независимо от социальной принадлежности селянина. «Помочь» носила праздничный характер: «помочане» приходили в нарядной одежде; угощение, которое часто устраивалось на месте работы, сопровождалось пением, плясками. Объектами помощи в таком случае становились вдовы, а также те, кого постигло несчастье или кто занемог в страданный период. «Помочь» считалась неписанным законом и долгом общины. Среди различных видов «помочей» как специфической формы групповой поддержки выделяются обязательные внесезонные и сезонные. К первым относятся такие виды поддержки, которые обусловлены экстремальными ситуациями, например пожарами, наводнениями или массовым падежом скота (в последнем случае часть приплода отдавали пострадавшим безвозмездно).

Особой формой поддержки считались «наряды миром», когда в семье «работные люди больны» и необходима помощь в деле управления хозяйством (растапливание печи, кормление домашнего скота, уход за детьми). К этой группе поддержки можно отнести и обязательные «помочи» при постройке дома, мельницы. Как правило, в данном случае за угощение осуществляли весь необходимый комплекс работ). К этим же видам «помочей» можно отнести сиротские и вдовьи «помочи» (когда данная группа снабжалась за счет общества хлебом, дровами, лучинами).

Разновидностью архаической модели помощи являются «толоки». В разных местностях они имели различную направленность. С одной стороны, они представляли форму совместной деятельности, с другой – форму помощи бедным крестьянам. «Толоки» включали в себя не только совместную обработку земли, но и различные виды перевозок сена, хлеба, навоза. Довольно своеобразна и форма складчины. Под этим явлением понимается не только совместное кормление, но и совместная заготовка корма для скота. Особым видом толков были женские толоки для «мятья льна». Такая форма взаимовыручки носила чисто экономический характер, поскольку давала возможность не топить овин несколько раз в одном доме.

Еще один вид хозяйственной помощи – совместное использование рабочего скота. На юге России он назывался «супруга», когда обработка земли осуществлялась «наемными волами». Этот вид помощи предусматривал взаимообмен услугами, при котором предоставляющий помощь, в конечном итоге, сам выступал в качестве «нанимателя на работу». Как выявлено в ходе анализа, общинные институты социальной защиты членов общины со временем приняли очень интересную форму и для многих стали нормой. Например, дети должны были уважать и обеспечивать старость своих родителей, родители обязаны выдать замуж дочерей, чтобы они не остались старыми девами, иначе забота

¹¹ Цит. по Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварогъ – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С.96.

¹² Там же. С.99.

о них в старосте ложилась на общину. Члены общины могли получить от нее материальную помощь в случае стихийного бедствия или несчастного случая. Однако вряд ли нужно расценивать это как благотворительность – такая помощь была скорее не благотворительной, односторонней и экстраординарной, а нормальной, отвечающей самим основам этого общества. Модели взаимопомощи носили внутривидовой характер, происходило расширение помогающего пространства, где вырабатывались принципы «соседской» взаимовыручки¹³. Согласно данным анализа, архаические праформы дошли до XIX века в виде совместных празднований, уборки урожая и т.п.

Таким образом, система социальной помощи и взаимопомощи у восточных славян зарождалась на самых ранних стадиях развития славянского этноса. По мнению Е. И. Холостовой, «гуманистические национальные традиции славян складывались под влиянием многих факторов, среди которых были их условия жизни и быта»¹⁴. Безусловно, условия жизнедеятельности и быта оказывали большое влияние на становление обычаев, традиций и нравственности, ставших основой русского национального характера и самосознания. Многие исследователи отмечают особый климат как в системе взаимоотношений в восточнославянских общинах, так и во внешних социально-культурных связях. «Славянские племена характеризовались умеренностью в агрессивности, в чьих отношениях наблюдалось внешнее спокойствие» – свидетельствует И. Д. Пирогова¹⁵. Тем не менее, у германских племен был обычай убивать немощных и престарелых родителей во имя сострадания к ним. Один из крупнейших русских ученых-историков С. М. Соловьев констатирует, что «эти обычаи имели место у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых, увеченных, не могших оказать помощь на войне, защитить родичей, мстить за их обиды; у племен в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами»¹⁶. Можно заметить, что такой обычай служил не только чувством сострадания, но и решением своего рода социально-экономических «проблем», которые требовали таких неординарных действий.

Формированию у восточных славян ментальных свойств характера (милосердие, сострадание, человеколюбие и др.) способствовали не только специфические черты быта и уклад жизни вообще, но и среда обитания, климатические особенности и географические территории их расселения и проживания. Как отмечал В.О. Ключевский: «В ходе двусторонней борьбы человека с самим собой и с природой он вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частично и свое отношение к другим людям»¹⁷.

Княжеское попечение как форма социальной помощи

С развитием Киевской Руси все более четко складываются внутривидовые связи, служившие большим стимулом для формирования славянской самобытной культуры, налаживания внешних торгово-экономических связей и отношений.

Огромным скачком в развитии благотворительности, как формы социальной помощи, стало принятие при князе Владимире I христианства (988 год), его восточной (византийской) формы. Православие оказало значительное влияние на формирование нравственных основ характера русского человека. Оно выступило огромным дополнением к богатой духовности русского мироощущения, черты которого вписывались в христианское вероучение.

В русском народном сознании одно из главных мест занимали представления о человеческой душе, что, безусловно, говорило о влиянии догматического христианского учения о спасении грешной души. Как указывает О. Платонов, «самое большое место в народном сознании занимали представления о душе, стыде, совести, грехе, доброте,

¹³ Цит. по: Холостова Е. И. Генезис социальной работы в России. М.-Издательский дом Дашков и К 2012. – С.38.

¹⁴ Цит. по: Холостова Е. И. Генезис социальной работы в России. М.-Издательский дом Дашков и К 2012. – С.23.

¹⁵ Цит. по Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварогъ – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С. 117.

¹⁶ Цит. по Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.2. Спб., 2003. – С.231.

¹⁷ Цит. по: Ключевский, В.О. Добрые люди Древней Руси / В.О. Ключевский. М., 1915. – С.24.

справедливости, правде»¹⁸. Это можно проследить на примере русского национального фольклора. Так пословицы и поговорки, посвященные данной теме, раскрывают образ и содержание таких понятий, как «душа», «душевное пространство» и т. д. Имея такую духовную почву, православие без каких либо противоречий укреплялось в душе славянина, становясь основой его миропонимания.

Среди многочисленных евангельских заповедей Христа особое внимание обращают к себе, две – «возлюби ближнего своего как самого себя» и «просящему дай»¹⁹, означавшие не только милостыню, подавание, но и целый ряд других социально ориентированных поступков: помощь в беде, внимание к немощному и убогому, кормление голодного, да и просто, доброе отношение к ближнему. Творить благо значит – делать добрые дела, быть готовым помочь находящемуся в беде, любить человека (с греческого *philanthropia* – человеколюбие). И. О. Ильина отмечает: «Благо могло выражаться не только в виде натуральной помощи, но и в простом человеческом отношении к ближнему, его трудным жизненным ситуациям»²⁰. В этом аспекте благотворительную деятельность можно понимать как определенный уровень богатого нравственного пространства в общественном сознании.

Одно из ведущих мест в системе общественной помощи занимали массовые гуляния и пиры при княжеском дворе, на котором помимо воинов-дружинников и знати всегда присутствовали нищие и калеки, находившие там пропитание и щедрую княжескую милостыню. Как указывает Е. В. Аничков: «Среди медопития складывались высокие христианские добродетели: милость, нищелюбие и страннолюбие»²¹.

Таким образом, у восточных славян помощь, взаимопомощь и благотворительность могли проявляться не только как человеколюбие в широком понимании этого явления, но и в хозяйственно-бытовой помощи, которая заключалась в совместных работах: возделывание земли, посев и уборка урожая, сенокос, помощь при различных природных бедствиях, пожарах и т.д.. Основной моделью социальной помощи в этот период являлось княжеское попечение.

По мнению М. В. Фирсова, развитие системы социальной помощи – попечения того периода условно можно разделить на два этапа.

Первый этап соотносится с моментом крещения Руси до второй половины XII века – образования удельных княжеств и распространения христианства на окраинах восточнославянских земель.

Второй этап – со второй половины XII по XIII века включительно, когда благотворительные функции князя постепенно сливаются с монастырско-церковными формами социальной помощи – призрения²².

Возрастание роли христианства в социальной деятельности придавало его общему служению огромную социально-политическую роль и общественный авторитет, что, безусловно, укрепляло позиции христианского вероучения на Руси.

Е. Максимов отмечает, что самыми простейшими видами социальной помощи первоначально было кормление нищих²³. По мнению Е. И. Холостовой, «исходя из таких побуждений и выражаясь в жизни в таких формах, благотворительность (прим. авт. социальная помощь) была, по единогласному утверждению исследователей, не так вспомогательным

¹⁸ Цит. по Смирнова, Е.В. Социокультурный смысл милосердия / Е.В. Смирнова // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов; под общей ред. акад. В.Н. Ярской Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1997. – С.221.

¹⁹ Цит. по О христианском милосердии М. : Изд-во им. Святителя Игнатия Ставропольского. Приход храма Святого Духа сошествия, 2003. –С.45.

²⁰ Цит. по Кубицкий, С.И. Благотворительность: теория, история, современность: монография / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. Челябинск: Фотохудожник, 2005. – С.123.

²¹ Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварог – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С.67.

²² Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: авторефер. дис. . д-ра истор. наук: 07.00.02 / М.В. Фирсов. М., 1997. – С.234.

²³ Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварог – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – С. 230.

средством общественного благоустройства, как необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше была нужна самому нищелюбцу, чем нищему»²⁴.

Данное высказывание является прямым подтверждением того, что социальная помощь в виде благотворительности воспринималась не только как социальная деятельность, но и сфера духовных интересов отдельных лиц, которые старались соответствовать духу пронизанного православием времени.

Также смотрели на благотворительность и русские князья, которые очень часто становились героями летописей и сказаний за свою душевную щедрость, человеколюбие и милость. Примером благотворительной деятельности князей является Владимир I, который позволял всякому «нищему и убогому» приходить на княжеский двор кормиться, а для больных и немощных специально отправлял повозки полные продуктов первой необходимости²⁵. В «Повести временных лет» указывается на особое почитание князем заповедей Евангелия: «Блажени милостивии, яко ти помилованы будут»; «Продайте именья ваша и дадите нищим»; «Не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже тля тлит и татье подкапывают, но скрывайте себе сокровище на небесех, идеже ни тля тлит, ни татье крадут»; «Блажен муж милуя и дая»²⁶. Владимир питал особую людскую любовь и за свое служение народу был прозван Красным Солнышком.

Согласно мнению ряда исследователей, при князе Владимире на Руси появились первые медицинские учреждения, а следовательно, развивалось не только социальное служение, но и система медицинских услуг для разных категорий нуждающихся. Согласно устава князя Владимира от 996 года в ведение церкви отошло и общественное призрение. В уставе определены основные объекты и субъекты княжеской социальной помощи: «Бабы и вдовицы, задушные человецы, прикладницы, нищие, монастыри и бани их, и врачи их, больницы и врачи их, пустынницы и странноприимницы. даны Патриарху, или Митрополиту, или Епископу, в коемждо пределе будут, да ведает их той и управу дает и рассуждает»²⁷. Также на содержание социальных учреждений был определен налог-десятина (церковная десятина). В уставе о церковных судах и десятинах говорится: «Устав, бывший прежде нас Руси от прадед и от дед наших, имати епископам десятину от Дании, и от вир, и от продаж, и от лова княжа, что входит в двор княж от всего»²⁸.

Помимо Владимира огромный вклад в дело попечения нуждающихся внес князь Ярослав Владимирович, прозванный в народе Мудрым. При нем в Новгороде было открыто училище для трехсот юношей. Нищелюбием прославился и киевский князь Владимир Мономах, который, по свидетельству современников, раздавал деньги и предметы первой необходимости, тем самым, показывая свою душевную и мирскую близость к чужим страданиям и заботам. В частности, в поучении князя говорится: «Страх имейте Божий в сердце своем и милостыню творите неоскудную, то бо есть начаток всякому добру. Всего же больше убогих не забывайте. Но сколько можете, по силе кормите, и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным погубить человека. Когда едете по своим землям, не позволяйте отрокам зло делать ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в полях, чтобы не начали вас проклинать. Старых чтите, как отцов, младших, как братьев»²⁹.

Князь Александр Ярославович, прозванный в народе Невским, выделял огромные денежные средства для выкупа русских пленных из татарского плена. Важное историческое значение имеет его завещание, в котором он обращается к своим детям: «Всего ж паче убогих не забывайте, поскольку вам возможно по силе своей кормите»³⁰. Содержа-

24 Холостова, Е.И. Генезис социальной работы / Е. И. Холостова. -М.: Дашков и Ко, 1995. С. 129.

25 Изборник: повести Древней Руси / сост. Л. А. Дмитриев, Н.В. Поньрко. М.: Худож. лит., 1987. – С.146.

26 Там же. С. 148.

27 Там же. С.136.

28 Там же. С.148.

29 Цит. По: Бондарь, И.У. Философско-мировоззренческое содержание «Изборников 1073 1076 гг.» / И.У. Бондарь. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 49.

30 Там же. С.52.

ние Завещания говорит о большой мере ответственности, которую князь видит не только за собой, но и за теми, кто будет продолжать его дело в духе православного нищелюбия и княжеского попечительства. Московский князь Иван Данилович был прозван в народе Калитой за маленький запазушный кошель, из которого всегда раздавал щедрую княжескую милостыню нуждающимся. Московский князь Дмитрий, прозванный в народе Донским, прославился кормлением бедных и страждущих из собственных рук.

На основе осуществленного анализа можно констатировать, что на рубеже XIV-XV веков на Руси сложилась достаточно крепкая модель социальной помощи нуждающимся. К основным видам социальной помощи можно отнести церковно-монастырское призрение и княжеское попечительство.

Заключение

Таким образом, в культуре восточных славян с древнейших времен складывалась система социальной помощи и взаимопомощи, носившая примитивный хозяйственно-бытовой и благотворительный характер, послужившая фундаментом для христианского понимания социальной помощи нуждающимся.

Система социальной помощи стала основой для дальнейшего развития идей призрения и попечения нуждающихся. Безусловно, высокие нравственные идеи сформировали принципы оказания социальной помощи, в определенной степени став механизмом институционализации древнерусской системы общественного призрения.

С разрушением родоплеменных отношений на Руси постепенно начинают складываться новые формы социальной помощи.

Исторический опыт человеколюбия и социальной помощи нуждающимся того периода заложил нравственные принципы современной системы социальной защиты населения. Несомненно, что для сохранения высоких нравственных идеалов человеческого сообщества необходимо учитывать исторический опыт, который выражается в сложившейся отечественной модели социальной помощи.

Социальное служение того периода нельзя назвать даже самой простой системой, вероятнее всего это явление можно охарактеризовать как внесистемную практику оказания социальной помощи, носителями которой выступили князья, представители высшего православного духовенства и люди с христианскими порывами милосердия.

Список литературы

1. Антология социальной работы. В 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М. : Сварог – НВФ СПТ, 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – 400 с.
2. Бондарь, И.У. Философско-мировоззренческое содержание «Изборников 1073 1076 гг.» / И.У. Бондарь. – Киев: Наукова думка, 1990.-149 с.
3. Горский, В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI -начала XII в. / В.С. Горский. Киев: Наукова думка, 1988. – 212 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М: Русский язык, 1978. – Т. 3. М: 1980.
5. Изборник: повести Древней Руси / сост. Л. А. Дмитриев, Н.В. Поньрко. М.: Худож. лит., 1987. – 446 с.
6. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 367 с.
7. Ключевский, В.О. Добрые люди Древней Руси / В.О. Ключевский. М., 1915. – 30 с.
8. Кубицкий, С.И. Благотворительность: теория, история, современность: монография / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. Челябинск: Фотохудожник, 2005. – 159 с.
9. О христианском милосердии М. : Изд-во им. Святого Игнатия Ставропольского. Приход храма Святого Духа сошествия, 2003.
10. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен./ С.М.Соловьев. – СПб., 2003. – Т.2. – С.231.
11. Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: авторефер. дис.. д-ра истор. наук: 07.00.02 / М.В. Фирсов. М., 1997. – 59 с.
12. Холостова, Е.И. Генезис социальной работы / Е. И. Холостова. – М.: Дашков и Ко, 1995. С. 129.

GENESIS OF NATIVE PARADIGM OF SOCIAL NEED HELP: SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

I.K. SVISCHEVA

Belgorod State National Research University

e-mail:svischeva@bsu.edu.ru

The article gives the determination and analysis of socio-cultural basis of social care arising in Ancient Russia.

Socio-cultural analysis of studying of genesis of social care is set up in the article. It is noted that the system of social care in Ancient Russia is strongly connected with the specific cultural traditions and mentality. The main forms of social care in Ancient Russia are denoted: cult forms with various sacral attributes, gender forms in the frames of gender, family and settlement, economical, forms and prince care. Socio-cultural basis (house keeping) of social care in Ancient Russia is denoted: gender relations as a basic security mechanism and factor of ethnic identification and socialization of an individual; ritual character of care forms; humanistic national traditions of staves.

Key words: social care, domestic paradigm of social care, charity, care, support.